

Распад СССР как геополитическая катастрофа: причины, прогнозы, перспективы

«Человечество на перепутье» - такими словами характеризуют происходящие ныне перемены практически все исследователи мирового социально-экономического и политического процесса. Компьютерная революция, превращение информационных технологий в неотъемлемый фактор не только прогресса, но и жизнедеятельности общества позволили ряду ученых (Д. Белл, Й. Масуда, П. Бартон) сделать вывод о переходе цивилизации к качественно новому этапу истории – этапу информационного общества (общества знаний)¹. При этом очевидно, что происходящие перемены касаются не только технико-производственных, но и социокультурных процессов.

Глубокие изменения произошли и в системе международных отношений. Завершена эпоха биполярного мира с характерным для нее соперничеством двух сверхдержав и возглавлявшихся ими блоков, происходит перегруппировка сил, коалиций, союзов.

Осмыслением своего места в новом мире занята и Россия. И начинать это осмысление следует с внутренних процессов: не поняв их, невозможно определить место страны в мировом сообществе. Перефразируя некогда тривиальную, а ныне почти забытую формулировку Клаузевица, можно сказать: внешняя политика есть продолжение и продукт политики внутренней.

Социально-политический процесс в постсоветской России и официальным руководством страны, и большинством исследователей обычно квалифицируется как радикальные реформы. При этом одни и те же авторы утверждают, что, с одной стороны, коммунистическая система не реформируема, с другой – в стране происходят радикальные реформы. Общественное сознание приняло этот логический абсурд как должное.

На взгляд автора, исходным объяснительным принципом судьбы Советского Союза является представление о том, что так называемые радикальные трансформации России имели не реформистский, а революционный характер.

Любая социально-политическая революция нового и новейшего времени характеризуется определенным набором признаков. Среди этих признаков – мифологизация массового сознания, стремительное разрушение системы прежних мифов и создание новых.

Можно выделить три основных деструктивных мифа, которыми оправдывалось разрушение Советского Союза:

- миф о конце последней колониальной империи;
- миф о заговоре русофобских сил;

---

¹ См. Bell D. The Social Frameworks of the Information Society., Oxford, 1980. Masuda J. The Informational Society as Post-Industrial Society. Tokio, 1980. Barton P. Informational Technology and Society. L., 1992.

- миф о независимости России.

Идеологический миф, согласно которому Советский Союз был последней колониальной империей, оказался настолько прочно «вбитым» в массовое сознание конца 80-х - начала 90-х гг., что им пользовались даже специалисты, прекрасно понимавшие, мягко говоря, условность такого представления. В то время автору этой статьи не раз приходилось участвовать в бурных дискуссиях политиков и политологов. Участники дискуссий дружно называли Советский Союз империей (вольно или не вольно смешивая понятие империи как формы организации крупного государства с понятием колониальной империи), но вынуждены были постоянно оговариваться, что эта империя необычная: Россию очень трудно признать метрополией, ибо она отдавала немалую часть своего национального дохода другим республикам, а, по крайней мере, Украину, Белоруссию и Прибалтику невозможно признать колониями, ибо они имели более высокий уровень жизни, чем «метрополия». Постоянно задаваемый мною вопрос: имеет ли в таком случае термин «последняя колониальная империя» хоть какой-нибудь смысл? - всегда оставался на подобных дискуссиях без ответа.

Никакой критики не выдерживал и другой вариант той же версии: будто все республики, включая Россию, были колониями некоего «Центра». Он вообще сильно напоминал историю из гоголевской повести, в которой нос майора Ковалева совершал свои собственные похождения, независимо от хозяина. Ведь каждому добросовестному школьнику должно быть известно, что колониальной империи без метрополии не бывает и что метрополией в империи может быть только государство, но отнюдь не правительство или ведомство.

Люди, которые разрабатывали названный выше миф, много раз публично заявляли: как только ненавистный «коммунистический Центр» перестанет вмешиваться в дела республик и выведет свои войска, все национальные проблемы решатся сами собой, повсюду воцарятся мир и благодать; рынок автоматически наладит экономические связи, и все бывшие части «империи» (прежде всего Россия) пойдут вперед семимильными шагами.

На самом деле и Центр (т.е. Горбачев) давно уже не был коммунистическим, и прогнозы эти подтвердились с точностью «до наоборот». В другой стране и в другое время это, скорее всего, означало бы полный крах политической и научной карьеры, признание полной профессиональной несостоятельности такого рода специалистов. Но в революционной России 90-х гг. авторы провалившихся прогнозов продолжали и продолжают считаться авторитетами в области политики, международных отношений, их назначали и назначают на высокие посты в министерствах, на должности советников президента и т.п.

В действительности Советский Союз представлял собой не колониальную империю, а много- и наднациональное государство, подобно тому, как разные варианты таких государств представляют собой США, Великобритания и Индия. Версия же распада «последней колониальной империи» осталась свидетельством

не столько недостатка квалификации, сколько избытка мифологизации сознания ее авторов, а может быть, и их беспринципности.

Революция, далее, есть конфликт по преимуществу внутренний, обусловленный внутренними противоречиями системы и призванный в той или иной форме их разрешить. Мировая история знает, конечно, немало примеров (в т.ч. относительно удачных) экспорта революции и контрреволюции, а также еще больше примеров того, как революцию объясняли заговором внешних сил. Поскольку на протяжении 90-х гг. автору неоднократно приходилось высказываться на эту тему и поскольку менять позицию нет никаких оснований, воспроизведу здесь собственные размышления семилетней давности, которые, увы, становятся все более актуальными по мере того, как среди людей, своими руками (или голосами на выборах) помогавших разрушать основы собственного благополучия, на фоне углубляющегося кризиса крепнет вера в то, что они стали жертвой заговора внешних сил.

«Заговоры, конечно, всегда были и, надо полагать, будут. Но никакой заговор не в состоянии разрушить государство, если для этого нет внутренних предпосылок. Сомневающиеся могут попытаться путем заговора разделить на составляющие, например, Испанию или Швейцарию, а ведь это тоже многонациональные государства.

...Версия заговора: выступает в двух вариантах. Начнем с первого, наиболее одиозного - заговора сионистов (в зависимости от уровня культуры различные авторы говорят также о «жидомасонах», «малом народе» и т.д.). Разумеется, ни один серьезный политолог не может и не будет отрицать существование международного еврейского капитала (наряду с армянским, китайским и т.п.), равно как и активную деятельность произраильского лобби в Соединенных Штатах (наряду с другими лобби). Однако отсюда вовсе не следует, что этот капитал и это лобби стремились к разрушению Советского Союза (почему не Китая или Индии?) и что эта задача была им по силам. И уж тем более все это не может служить оправданием антисемитизма. Если, например, в Соединенных Штатах в последнее время резко активизировалась «русская» мафия и даже теснит знаменитую Коза Ностру (ура, мы хоть где-то «ломим»), то это вовсе не означает, что именно российская эмиграция угрожает американской стабильности, а ко всем русским надо относиться, как к мафиозным элементам.

С небольшими коррективами то же самое можно сказать и о другом варианте версии заговора, который в роли могильщиков Союза представляет крупные иностранные державы, прежде всего, США. Безусловно, в Соединенных Штатах существует киссинджеровское направление в политике, сторонники которого считают, что Россия всегда останется соперником Америки, независимо от того, какую общественную систему она (Россия) изберет. Безусловно, правящая американская элита не заинтересована в сохранении сильного политического и экономического конкурента и хотела ослабления Советского

Союза. Но вряд ли она хотела его разрушения. Бывшая великая держава, разваливающаяся и кровоточащая, стала едва ли не самым нестабильным регионом в мире и угрожает похоронить под своими обломками не только собственные народы, но также сытый и привыкший к сравнительному спокойствию Запад. Вот почему американцы, сколько было возможно, поддерживали не Ельцина, а Горбачева, призывая российского и других республиканских лидеров к взвешенности и предупреждая общественность об опасности разрушения государства» (Смолин О.Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш - альманах Омской писательской организации Союза писателей Российской Федерации. - Омск, 1992.- № 2.- С. 14-15).

В дополнение к написанному в 1992 г. стоит сделать два замечания.

Во-первых, тот факт, что руководство Соединенных Штатов Америки и Организации Северо-Атлантического договора, желая ослабления Советского Союза, в свое время боялось его неуправляемого распада, отнюдь не означает, что после разрушения СССР оно поддерживает интеграционные процессы на его бывшей территории. Как раз наоборот: опубликованные в печати высказывания лидеров блока и, в частности, государственного секретаря США свидетельствуют об активном неприятии союза России и Белоруссии, а равно и о поддержке позиции Украины, от этого союза дистанцирующейся. Однако и в этом случае внешний фактор, хотя и влиятельный, не является определяющим в отношениях трех славянских государств.

Во-вторых, когда под занавес новейшей революции между высокопоставленными российскими чиновниками, включая премьера Черномырдина, и американскими политологами неожиданно развернулась публичная дискуссия по поводу международного статуса России и ее внешней политики, правы были вторые, утверждавшие, что Советский Союз проиграл «холодную войну», а не первые, возмущенно это отрицавшие. Действительно, как уже говорилось, «административно-бюрократический социализм» в условиях нового витка технологической революции не выдержал соревнования с «социальным капитализмом» и прежде всего по способности ассимилировать научные открытия и технические разработки. Но отсюда вовсе не следует, что российская революция - прежде всего результат внешних влияний. Ключ к действительному пониманию проблемы дает ее интерпретация как революции бюрократической, о чем речь пойдет ниже. Однако по иронии истории против требования признать поражение Советского Союза и России в «холодной войне» и вести себя соответственно наиболее шумно выступали как раз те, чьими руками свершилась революционная катастрофа и кто фактически и без того проводил международную политику с позиции слабости! Иначе говоря, новая российская политическая элита не могла смириться лишь с тем, что ее деяния на весь мир были названы своим именем.

Однако вершиной новейшего российского революционного мифотворчества должен быть признан миф о «независимости России». Автор принадлежал к числу очень немногих российских депутатов, не голосовавших 12 июня 1990 г. за государственный суверенитет России и верховенство ее законов над законами Советского Союза. Аналогичную позицию в отношении Беловежских соглашений официально, через голосование, выразить не удалось, поскольку вопрос рассматривался только Верховным Советом, а не съездом народных депутатов России. Мифологический характер идеи «независимости России» от Советского Союза был очевиден уже в то время, и доказательством тому может служить очередной отрывок из уже не раз цитировавшейся статьи, основная аргументация которой несколько не устарела, несмотря на ее публицистический характер.

«Вообще-то создание новых мифов в революционную эпоху - вещь столь же обычная, как и разрушение старых, но здесь мы имеем дело с мифом уникальным по своей нелепости и претенциозности. В самом деле, каким самомнением должны обладать политические лидеры, чтобы всерьез заявить, будто только они дали независимость государству, существовавшему более тысячи лет! Какое «помутнение умов» должно произойти в обществе, чтобы оно поверило таким заявлениям! Если Россия получила независимость, то спрашивается, от кого? Говорят, от горбачевского руководства. Но разве это руководство было немецким или китайским? И как быть с тем, что именно это руководство обвиняли в «русификаторстве», «русском империализме», «оккупантстве» чуть ли не все новые республиканские лидеры, кроме команды Бориса Ельцина?

Не менее нелепо выглядит версия независимости России от Украины, с которой она воссоединилась в результате Переяславской Рады, от Грузии, которая вошла в состав Российского государства по Георгиевскому трактату, равно как от Средней Азии или Прибалтики, которые были Россией завоеваны.

От чего на самом деле стала «независимой» Россия, так это от целого ряда исторически принадлежавших ей территорий, от 25 миллионов наших соотечественников, превратившихся в иностранцев, от стратегического паритета, от космодрома «Байконур» и Черноморского флота и т.д., и т.п. Кому только на пользу такая «независимость»?

Впрочем, на последний вопрос ответить не сложно: на пользу новой номенклатуре, точнее сказать, второму эшелону прежней бюрократической элиты, который ныне пришел к власти. Сменив статус среднеразвитой по мировым показателям державы на положение «Верхней Вольты без ракет», мы оказались впереди планеты всей по количеству президентов и иных высокопоставленных должностных лиц на душу населения. Избавившись от своего прежнего начальства союзного уровня, они получили возможность пользоваться привилегиями, ездить за границу, представлять страну в Организации Объединенных Наций, быть в центре внимания и т.д., и т.п., и

пр. От одного московского водителя я как-то услышал про 12 июня: «Это праздник Ельцина». И действительно «День независимости России» - это день независимости российской номенклатуры от номенклатуры союзной. Именно перед ней, российской номенклатурой, этот день открыл блестящие перспективы. В этом сугубо практическом интересе, а не в недостатке квалификации и состоит причина поразительной слепоты ее аналитиков. Допускаю, что некоторые из них не лицемерили, а были искренни, обещая, что после разрушения Союза мы заживем «долго и счастливо»: просто свое собственное «светлое будущее» они принимали за наше общее. В истории вообще, а в революционные эпохи - в особенности, любая правящая группа стремится представить свой интерес как общенародный, и обычно ей это удается» (Смолин О.Н. Куда несет нас рок событий? // Иртыш - альманах Омской писательской организации Союза писателей РФ.- Омск, 1992.-N 2.- С. 16-17).

Продолжая тему, следует согласиться с замечанием И.М. Чудиновой о том, что, «опираясь на миф о преобразовании русского патриотизма в антиимперский патриотизм, Б. Ельцин по существу привел к победе России-РСФСР над Россией-СССР» (Чудинова И.М. Политические мифы // Социально-политический журнал.- 1996.-N 6.- С. 126-127). Парадокс: разрушению Советского Союза помог русский национализм. Идея суверенитета России была перехвачена командой Ельцина у так называемых национал-патриотов, которые полагали, что русский народ является самым угнетенным в Советском Союзе, не имеет всех атрибутов собственной государственности, собственных средств массовой информации и т.п. именно они помогли победе России РСФСР над Россией СССР, т.е. малой России над большой.

Однако рассуждения И.М. Чудиновой о положительной роли этого мифа (См.: Там же. - С. 127) более чем уязвимы для критики, ибо «победа» малой России над Россией большой не только стала мощнейшим фактором экономического кризиса, не просто разделила русскую нацию искусственными государственными границами, но означала вместе с тем и «победу» России-РСФСР над самой собой, создав реальную угрозу и ее разрушения. Ко времени выхода статьи И.М. Чудиновой события на Северном Кавказе и, в частности, в Чечне это уже убедительно доказали. Не случайно в середине 90-х гг. активные сторонники и даже участники Беловежских соглашений охотно запускали в политический оборот известную формулу «Кто не сожалел о распаде Советского Союза - у того нет сердца; кто мечтает о его воссоздании - у того нет ума». Если эта формула станет предметом специального анализа, политический психолог наверняка найдет в ней не только свидетельство самоотпущения «грехов» и сожаления о содеянном, но и косвенные доказательства того, что результаты действий «беловежских пушителей» резко разошлись с их намерениями и «декабристы образца 1991 г.» сами отчасти стали жертвой собственного политического мифа.

Кажущееся противоречие российского социально-политического процесса девяностых годов одному из основных законов революции (закону смены политических элит) разрешится очень легко, если учесть, что сама эта революция является бюрократической, по крайней мере, по главным движущим силам. Возможность такой революции была предсказана еще марксистской классикой. Не случайно В.И. Ленин в так называемом «Политическом завещании», то есть статьях и письмах 1923 г., предлагал создать систему «защитных механизмов» от бюрократизации путем вовлечения в управленческую деятельность, наряду с партийно-политической элитой, представителей рабочих и крестьян (подробнее об этом см. Смолин О.Н. «Защитные механизмы» социалистической демократии // Коммунист.- 1988.- № 6.- апрель.- С. 28-32.). Как уже отмечалось, Л.Д. Троцкий и его сторонники полагали, что такой переворот в России произошел при Сталине, принимая за термидор (в смысле контрреволюции) то, что, скорее, было вторым изданием якобинской диктатуры. К сходным выводам, но с противоположных идеологических позиций пришли авторы теории «революции управляющих».

Сценарии подобного рода хорошо известны из истории стран Азии и Африки, избравших в свое время путь «социалистической ориентации», и неоднократно описывались в советской литературе. При отсутствии или ограничении демократии в таких странах происходила, с одной стороны, бюрократизация, а затем и перерождение правящих групп, а с другой - формирование нелегального или полуполюгального капитала, по преимуществу торгово-ростовщического характера. Обе эти группы срачивались между собой и совершали политический переворот (мирный или вооруженный - в данном случае неважно). Поскольку господствующие позиции в экономике при этом занимал не цивилизованный «производительный», а бюрократический капитал, трудно привести хотя бы один пример страны, которая бы после такой революции добилась сколько-нибудь впечатляющих экономических успехов.

Аналогия с ситуацией в бывшем Советском Союзе вполне очевидна. Не случайно на возможность подобного развития событий в СССР на рубеже 80-90-х гг. указывали публицисты как левого, так и правого толка (впрочем, многие правые тогда не только назывались, но и действительно были левыми). Несколькими годами позднее, в начале 90-х гг., многочисленные экономисты и социологи, причем опять-таки самых разных направлений, констатировали, что за «командные высоты» в экономике борются в основном две силы: «бюрократы» и «теневики».

Доказательства бюрократического характера новейшей российской революции содержатся в ответе на известный с древнеримских времен вопрос: кому выгодно? Главные из них состоят в следующем.

1. Численный рост управленческого аппарата.
2. Улучшение положения управленцев по отношению к общественным группам, получающим доходы от трудовой деятельности, а во многих случаях - и

по отношению к прежнему уровню их собственных доходов с учетом инфляции. Одновременно с этим - рост так называемых привилегий и затрат на обслуживание управленческого аппарата.

3. Предельное ослабление контроля над управленческим аппаратом как «сверху», так и «снизу».

4. Присвоение в процессе приватизации непропорционально большой (возможно даже большей) части бывшей государственной («общенародной») собственности.

Бюрократическая форма новейших революций в России и республиках бывшего СССР, а также в меньшей степени ряде других стран Восточной Европы позволяет легко объяснить такой отмеченный Саквой феномен как их «договорной характер» и связанную с ним легкость победы: во всех предшествующих революциях нового и новейшего времени экономически и политически доминировавшие общественные группы теряли, как минимум, часть власти и собственности, а иногда были обречены на исчезновение; в новейших же революциях производственная и (или) государственная бюрократия, которой в условиях «реального социализма» позволялось лишь ограниченно использовать в своих целях государственную собственность, была «обречена» на то, чтобы эту собственность приватизировать, а тем самым умножить и власть. Вполне естественно, что «контрреволюционные» движения в таких условиях были крайне слабы, и не только потому, что социальные низы не понимали, что происходит, но и потому, что они испытывали острейший дефицит политических лидеров.

Автору этих строк представляется, что несмотря на бюрократический характер новейшей российской революции закон смены политических элит и здесь имел место, но в своеобразной форме. В отсутствие контрэлиты смена выразилась в том, что первый эшелон политических лидеров был оттеснен вторым, союзная политическая элита - элитами республиканскими и т.п. Достаточно удачный образ новейшей российской революции в свое время был предложен Э. Лимоновым, назвавшим ее революцией замов и экспертов.

Именно это стремление второго эшелона государственной бюрократии избавиться от власти эшелона первого, стремление республиканских политических элит «освободиться» от элиты союзной, а не «заговор русофобских сил», стало главным непосредственным фактором разрушения прежней государственности. Приведу мнение одного из главных участников этого процесса - мнение *post factum* самокритичное и по двум этим причинам заслуживающее доверия. «После августовских событий 1991 года в Москве центральная (союзная) власть стала распадаться буквально на глазах. Лихорадочные усилия Михаила Горбачева, стремившегося оживить работу по заключению нового Союзного договора, встречая мощное противодействие республиканских «вождей», породили губительный новоогаревский процесс. Он, в свою очередь, уже был готов произвести на свет свое детище - Союз Суверенных Государств (ССГ) - так

назывался этот проект, явившийся прообразом Беловежских соглашений об СНГ. Я тогда подчеркивал, что это решение - плохое из наихудших, но делать было нечего.

Союзное правительство практически было ликвидировано, а вместо него образован Государственный комитет по управлению экономикой. Союзные республики были в то время буквально одержимы одной мыслью - получить как можно больше прав от умирающего союзного центра. Полагая, что тем самым автоматически будут решаться их обостряющиеся социально-экономические проблемы. Каждый из лидеров республик, собирающихся под председательством союзного Президента, исходил из аксиомы, что именно его республика «содержит весь Союз». Такой подход был характерен и для руководства Российской Федерации - мы здесь не были исключением, а порою и задавали тон в дезинтеграционных процессах - это надо признать самокритично». (Хасбулатов Р.И. Великая российская трагедия. Т.1. М.: ТОО СИМС, 1994.- С. 5-6.). Один из тех, кто ввел в научный оборот характеристику новейшей российской революции в качестве бюрократической, признал вместе с тем и тот факт, что лидером этой революции было российское руководство, включая и его самого.

Своеобразное проявление закона смены элит и бюрократическая форма новейшей российской революции, полузакрытый характер российской политической элиты, ее относительно невысокая мобильность периодически вызывают к жизни такой уникальный феномен как ложные реставрации отношений советского периода.

Очевидность последствий разрушения Союза для любого объективного наблюдателя уже в конце 80-х – начале 90-х годов. Прочитую в этой связи самого себя.

«Да, пока Россия принадлежит к числу тех, кто «везет» на себе Союз. Однако мысль о том, что выйдя из Союза и тем самым развалив его, республика начнет процветать, - это заблуждение кризисного, «голодного» сознания. Давайте «просчитаем» хотя бы самые элементарные очевидные последствия.

Во-первых, несомненно будут продолжать рваться налаженные экономические связи, а это в условиях монополистической экономики больно ударит по карману. На каких предприятиях Омска я бы не выступал, повсюду приходилось слышать одно и то же: недопоставка комплектующих из Грузии, Армении, Прибалтики вызывает перебои в работе, падение заработной платы, отток людей и все прочие прелести экономической лихорадки. Мне не приходилось видеть расчетов, во сколько миллиардов обойдется разрушение экономических связей при развале Союза, но совершенно очевидно, что счет пойдет на десятки. Надежда же на то, что при политическом распаде страны возможно будет сохранить экономические отношения, это чистая маниловщина, нигде и никому это не удавалось. На чем, кроме нашей неизбывной веры в чудеса, основаны подобные прожекты, сказать не берусь.

Во-вторых, выход России из Союза и его распад резко обострит проблему беженцев на территории нашей республики. Так было везде и всегда: французы бежали на родину из Алжира, португальцы - из Анголы, русские - из Польши и Финляндии. То, что все эти государства получили право на самоопределение, - факт, безусловно, положительный, но не для тех, кто бежал и не для тех, к кому бежали. Ясно, что обустройство каждого беженца на новом месте - это несколько десятков тысяч рублей. Помножим их на несколько миллионов и получим, что только на этом республика проиграет все, что могла бы выиграть от прекращения «донорства». Лидер Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцин выразил готовность принимать беженцев на территории России, и это конечно благородно, однако непонятно, за счет каких средств, ведь российский бюджет и так сведен с большим дефицитом. Чуть более года назад Г. Х. Попов настаивал на том, чтобы расходы на обустройство беженцев несла та республика, откуда они вынуждены убегать. Теперь, выдвинув план «дефедерализации», он от этого отказался, как, впрочем, и от многого другого. А жаль. Идея не потеряла своей актуальности.

В-третьих, надо реально себе представлять, что распад Союза - это и распад самой России. Здесь я позволю себе несколько отступить от логики изложения, поскольку считаю необходимым открыть глаза читателям на одно печальное обстоятельство, а именно: с демократами в национальном вопросе дела в стране обстоят гораздо хуже, чем многим кажется. Принято считать, что недемократический, великодержавный курс проводит только центр, военно-промышленный комплекс и т. п. На самом деле на уровне республик великодержавности ничуть не меньше, но только это своеобразный «2великодержавный сепаратизм». Суть его проста. Молодая республиканская бюрократия хочет как можно быстрее избавиться от Союза, стать полновластным хозяином на своей территории, но при этом по отношению к национальным меньшинствам ведет себя ничуть не лучше, а порой и хуже, чем центр по отношению к союзным республикам. Так, демократически избранный грузинский парламент единогласно (!) проголосовал за ликвидацию Юго-Осетинской автономии. Там не нашлось ни одного настоящего демократа ни среди коммунистов, ни среди новых движений, называющих себя демократами. Скажу прямо, есть подобные настроения и в российском парламенте. На заседаниях комитетов, не говоря уже о кулуарах, не раз приходилось слышать, что вот отцы - основатели Соединенных Штатов были мудры, и поэтому организовали государство по территориальному, а не национальному признаку, а большевики, допустив создание национальных республик, навредили стране. За этим следуют обычно призывы вернуться к формам организации, характерным для Российской империи.

Хотя это чаще всего приходится слышать от людей, причисляющих себя к демократам, к демократии это, конечно, не имеет никакого отношения, не говоря уже о том, что такая программа абсолютно утопична. Люди, желающие избавиться

от Союза, но «закрутить гайки» в собственной республике, не могут или не хотят понять простой вещи: Россия - это уменьшенный Союз. И как она ведет себя по отношению к Союзу, так и республики, входящие в Российскую Федерацию, ведут себя по отношению к ней. Стоило российскому парламенту принять решение о том, что наши законы будут безоговорочно выше союзных, как целый ряд бывших автономных республик объявил свои законы выше не только союзных, но и российских. Дальше этот процесс перекинулся на отдельные области и даже районы.

В-четвертых, если удержать Союз в прежнем виде невозможно без насилия, то и развал его обернется не меньшей, а может быть еще большей кровью. Как бы ни относиться к нашим «отцам-основателям», а рассчитывали они на «Союз нерушимый» и границы проводили соответствующим образом. Так, русские, безусловно, преобладают в Северном Казахстане, в Крыму и так называемой Новороссии (Донбасс, Одесская область и др.). Если Союз сохранится в новой форме, границы республик принципиального значения не имеют, если же он будет разваливаться, из-за них неминуемо возникнут конфликты. Как быть, в частности, если Грузия требует отделения, а Южная Осетия хочет воссоединиться с Северной и остаться в Союзе? Как быть, если отделение потребует Украина? Конфликтовать с ближайшим по языку и культуре народом или смириться с тем, что несколько миллионов русских окажутся иностранцами на чужой территории? Нормального выхода здесь нет, а как когда-то пел Высоцкий, «есть только вход, и то не тот». Не случайно, когда российский парламент принял Закон, угрожающий целостности Союза, в здании Верховного Совета на Краснопресненской набережной появились представители американского посольства. Они уговаривали депутатов подумать о последствиях: ведь если начнется борьба республик за обладание стратегическим оружием, не поздоровится уже не только Союзу, но и его соседям, а возможно и всему миру. «Подумайте о Соединенных Штатах, не разваливайте Союз», - так, несколько утрируя, можно выразить точку зрения американских партнеров. Перефразируя поэта, можно сказать: «Не дай нам Бог сойти с ума!».

Бюрократическая революция в России породила, по меньшей мере, семь катастроф: экономическую, финансовую, технологическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. Едва ли не каждая из них стала рекордной в мирное время в XX веке. Не исключение и катастрофа геополитическая.

Советского Союза (Большой России) больше нет. Революционному разрушению подверглась не только прежняя социальная система, но и целая цивилизация, которую Л. Гумилев называл «русским миром», «русским суперэтносом» и т.п. В XX веке эта цивилизация была одной из ведущих в мире. В этом смысле Александр Зиновьев был прав, утверждая, что советский период был периодом наибольшего взлета в российской истории. Никогда прежде Россия не

была второй державой мира. Никогда прежде она не выигрывала такой войны, как Великая Отечественная. Сравнения не выдерживает даже великая победа над Наполеоном, поскольку французский император уничтожил в Европе феодализм, а Гитлер – основы общечеловеческой культуры. Но это не вся правда. Нельзя забывать, что советский период был продолжением и развитием противоречия российской истории, которое еще В.О. Ключевский выразил емкой формулой: «государство пухло, народ хирел». Взлет державной мощи в советский период был достигнут ценой перенапряжения всех сил народа и колоссальных человеческих потерь.

Крушение российской цивилизации стало политической драмой не только национального, но и всемирно-исторического масштаба. Оно таит в себе потенциальную угрозу миру. Гарвардские сторонники социокультурного детерминизма (С. Хантингтон и др.), полагающие, что границы цивилизаций являются потенциальными линиями фронта, при определенных сценариях исторического развития могут оказаться правы. В этом смысле ключевым для понимания геополитической ситуации является тот факт, что Россия оказалась на границе трех цивилизаций: Западной, которая, как выяснилось, не готова принять Россию в свой состав; Мусульманской, быть может, самой пассионарной на современном этапе и, к сожалению, нередко порождающей исламский фундаментализм; Китайской – возможного лидера XXI века. Множество региональных вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР должно рассматриваться политиками как предупреждение о возможности возникновения глобального конфликта.

Представляется, что в этих условиях не только народы нашей страны, но и мир в целом должен быть заинтересован в сохранении России как великой державы. Возможности и ресурсы для этого есть, хотя и достаточно ограниченные.

Принципиально неверной считаю ставку на добычу и распродажу невозобновляемых природных ресурсов. Большинство развитых индустриальных стран такие ресурсы консервируют, понимая, что борьба за них может составить одно из ключевых направлений в политике XXI века. Кроме того, согласно экспертным оценкам, разведанных запасов нефти в России осталось на 12 лет, газа – на 60.

Влияние большой территории на экономическое развитие вообще противоречиво. Как бы ни критиковали В.И. Ленина, он был прав, полагая, что развитие капитализма «вширь» мешает интенсификации экономики, развращает страну.

В действительности двумя основными ресурсами страны, позволяющими ей играть роль великой державы, на данный момент являются остатки, с одной стороны, оборонного комплекса, а с другой – научно-образовательного потенциала.

Не являясь специалистом в сфере ВПК, было бы неверно пытаться давать рекомендации по его восстановлению и использованию. Следует лишь отметить, что без сильной армии с Россией просто перестанут считаться. Очевидно, что конфликт в Чечне не привел к бомбардировкам российских городов самолетами НАТО, как это было в Югославии, лишь потому, что Россия остается ядерной державой.

Высокий, несмотря на кризис, уровень российского научно-образовательного потенциала общепризнан в мире, в т.ч. и антироссийски настроенными специалистами. Однако возможность использования этого ресурса (впрочем, как других) напрямую связана с социально-экономическим курсом Президента и Правительства. Однако анализ «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу», подготовленных Центром стратегических разработок под руководством Г. Грефа и одобренных на заседании Правительства 28 июня 2000 г., равно и анализ экономических и социальных положений Послания Президента Федеральному Собранию 3 апреля 2001 г., показывает, что избранный курс не позволит стране в необходимой мере развивать и использовать научно-образовательный потенциал.

Идеология названного и других правительственных документов может быть сформулирована следующим образом: чтобы догнать наиболее передовые страны, нужно сначала вернуться назад к отношениям первоначального капитализма, к тем позициям, от которых эти страны уже отказались и, как бы взяв разгон, лишь затем устремиться в погоню за цивилизацией. Создается впечатление, что авторы до сих пор не осознали органическую связь экономического роста и роста человеческого потенциала, улучшения условий жизни большинства населения в современном обществе. Иначе невозможно объяснить крайне низкие темпы роста заработной платы в сферах, обращенных к человеку (образование, медицина, культура), стремление провести через Государственную Думу Трудовой кодекс, не соответствующий требованиям Международной организации труда, бесконечные публичные заявления власть имущих о том, что страна слишком бедна для поддержания социальных гарантий, которые существовали в советский период, и т.п. Экономический рост при таком подходе вряд ли может быть продолжительным и стабильным: без высококвалифицированного работника, защищенного надежной системой социальных гарантий, никакая защита прав собственников к кардинальному улучшению и модернизации России не приведет.

Приоритеты социально-экономической стратегии государства более всего проявляются в его бюджетной политике. Анализ «Основных направлений...» показывает, что ключевой задачей их считают не наполнение бюджета, но «приведение обязательств государства в соответствие с его ресурсами». И далее: «государство должно... отказаться от тех обязательств, финансирование которых не было возможным в прошлом и не будет возможно в обозримом будущем».

Рассуждения об отсутствии денег на социальные законы и программы сопровождаются действиями более чем сомнительного характера, уменьшающими доходную часть бюджета. Среди них:

- снижение в 2001 г. таможенных пошлин приблизительно на 50 млрд. рублей, которое, помимо всего прочего, наносит удар по отечественному товаропроизводителю;

- введение «плоской» 13-процентной шкалы подоходного налога с физических лиц. - Во всех индустриально развитых странах и странах Латинской Америки применяется прогрессивная шкала, а надежда на то, что так называемые «новые русские» с радостью выстроятся в очередь для уплаты пониженного в 3 раза налога, вложив сэкономленные средства на развитие производства, представляет собой, в лучшем случае, иллюзию и свидетельство непрофессионализма.

Большую тревогу вызывает «озвученное» в Послании Президента Федеральному Собранию положение, согласно которому в финансировании образования должны участвовать все организации и граждане без исключения. Ничего подобного нет ни в одной индустриально развитой стране мира. В самой капиталистической из них, Соединенных Штатах Америки, 90 % всех детей учатся в бесплатной государственной или муниципальной школе с бесплатными учебниками. В России же для этого нет и экономических возможностей. В условиях, когда в стране более 70 % населения составляет «низший класс», в т.ч. около 40 % находятся за чертой бедности, такое «софинансирование» приведет не к умножению, но к уничтожению научно-образовательного потенциала.

Для сохранения Россией статуса великой державы необходим иной экономический курс по модели не догоняющего, а опережающего развития, необходимо приоритетное финансирование новейших технологий, образования и науки. Но для этого должна быть реализована не элитарная (рассчитанная на узкий круг), а демократическая (в общепринятом, а не перевернуто-российском смысле) модель образования для всех.

Говоря об альтернативных программах экономического развития, не могу согласиться с Л. Вартозаровой в том, что т.н. программа Ишаева мало чем отличается от программы Грефа. С моей точки зрения, программа Ишаева (точнее, программа Глазьева) гораздо лучше, хотя бы потому, что она более похожа на антикризисные действия Рузвельта в Америке или Де Голля в послевоенной Франции. Эта программа общенациональная, программа государственного регулирования экономики. Она, на мой взгляд, позволяет обеспечить серьезный экономический подъем. (Людмила Вартозарова – лидер Социалистической партии трудящихся; Виктор Ишаев – губернатор Хабаровского края, член Совета Федерации - *примечание автора*).

Весь мировой опыт XX века свидетельствует: как правило, успешно развивались именно те страны, которые наращивали вложения в образование и

науку, добиваясь на этой основе нового технологического прорыва. Так было в СССР 30-50-х гг., в послевоенной Германии, Японии, отчасти Италии, затем в Южной Корее. При этом упор делался именно на массовое образование для широких слоев населения. Хотел бы обратить ваше внимание, что дело здесь даже не в политических различиях. В развитых странах и либералы давно поняли, что без массового качественного образования, в том числе и высшего, войти в новое информационное общество невозможно. У нас же в очередной раз пытаются реализовать не демократическую, но элитарную модель образовательной политики.

В последнее время правые противники Президента В. Путина (в частности, В. Гусинский), критикуя нынешний режим за авторитарные методы, утверждают, что Россия переходит на китайскую модель развития. В действительности, в свое время китайские экономические реформы были бы, разумеется, предпочтительнее российской бюрократической революции. Однако сейчас подобная критика явно не обоснована и слишком оптимистична. Китайская модель - это курс на большую экономическую свободу при левом авторитаризме, тогда как курс современного российского Правительства явно правый. Кстати, не разделяю точки зрения, будто в России происходит борьба с олигархами. Пока мы если и наблюдаем борьбу с олигархами, то только с нелояльными. Положение остальных остается прежним.

На самом деле в стране происходит так называемая негативная конвергенция, т.е. сочетание худших черт советской эпохи в виде авторитаризма и худших черт эпохи «антисоветской» в виде радикально-либеральной экономической политики, которая превращает большинство населения в бедных, а существенную часть - в необразованных.

Что касается внешнеполитического курса и отношения к проблемам глобализации, то современная Россия оказалась перед выбором между тремя вариантами:

первый - продолжить одностороннюю прозападную (точнее, проамериканскую) ориентацию внешней политики, предполагая полную вестернизацию страны. При этом предыдущее десятилетие отчетливо показало, что по уровню экономики и жизни Россия, скорее, удаляется от стран «золотого миллиарда», чем приближается к ним, и обречена на «догоняющую конвергенцию»;

второй - присоединиться к антиглобалистам и перейти от политики полного проамериканизма к полному антиамериканизму. Кстати, такой переход мы нередко наблюдаем сегодня у ряда вчерашних радикалов-западников, которые спешно перекалываются в патриотов-националистов или даже в антисемитов. Это как раз тот случай, к которому относится формула Льва Толстого о патриотизме как последнем прибежище негодяев. Любой политик, сохраняющий здравый смысл, должен понимать, что поддержка или хотя бы

благожелательный нейтралитет индустриально развитых стран Запада может потребоваться нам против возможных геополитических притязаний иных цивилизаций, пограничных с Россией.

Прекрасно понимаю, что Запад нас не ждет. Это лучше всего показало обращение В. Путина о приеме в НАТО, как известно, ответа не последовало. Представляется, что Вячеслав Никонов очень убедительно показал недостатки трихотомии основных моделей внешней политики, а именно: западной, антизападной и евразийской (или азиатской). Иное дело, что он показал также и слабость четвертой модели, за которую выступал и которая реализуется действующим Президентом. И дело здесь не в квалификации политологов, а в трудностях самой ситуации: она такова, что хорошего выхода нет, но, напротив, как пел Владимир Высоцкий, «есть только вход, и то не тот»!; (Вячеслав Никонов – известный политолог, Президент фонда «Политика» - *примечание автора*)

вариант третий - предложить иную модель глобализации, например, лозунг: «глобализация - для всех». При таком подходе глобализация предполагает сохранение разнообразия, а вовсе не движение единым строем по указанному извне пути, где каждый шаг в сторону рассматривается как смертный грех и наказывается международными санкциями. Кстати, на состоявшейся в апреле конференции межпарламентского союза от имени российской делегации удалось ввести в итоговый документ положение о том, что глобализация может и должна осуществляться только в сочетании с сохранением культурной самобытности стран и народов. Думаю, при такой позиции России нашими союзниками могут стать большинство развивающихся стран, в т.ч. при решении таких важнейших вопросов, как списание внешних долгов и передача на некоммерческой основе наиболее передовых технологий в целях предотвращения глобальной экологической катастрофы. Лучше поделить часть достижений, чем погибнуть всем вместе.

Подведем некоторые итоги.

1. Статус сверхдержавы Россией утрачен, и, быть может, навсегда. Стране предстоит сложная борьба за сохранение статуса одной из великих держав.

2. Борьба за сохранение этого статуса предполагает во внешней политике тонкое и сложное позиционирование прежде всего по отношению к основным пограничным цивилизациям: западной, мусульманской, китайской.

3. Попытки воспроизвести в России модель потребительского общества по американскому или иному образцу бесперспективны. Более того, от этой модели, видимо, придется отказаться и Западу. Не случайно, теоретики Римского клуба еще 30 лет назад предлагали ограничить техническую экспансию и сосредоточиться на научном и социально-нравственном прогрессе. Попытка приравнять все человечество по уровню потребления энергии и вредным выбросам к «золотому миллиарду» неминуемо привела бы к глобальной экологической катастрофе.

4. России необходим новый курс в экономике. Не старый курс для «новых русских», которым страна шла в 90-е годы и новое издание которого предлагается властями, а новый курс в духе Рузвельта, послевоенной Франции или Британии.

5. Поддерживаю точку зрения, что России необходим не отказ от глобализации, а иная ее модель, более справедливая для всех народов, в том числе и России.

6. Не разделяю мнения, будто СССР был отрицанием России, не вел политики защиты национальных интересов. Напротив, на мой взгляд, СССР был преемником России и, может быть, единственным после революции способом сохранения ее как великой державы. Поддерживаю идею обращения к соотечественникам с призывом возвращаться на Родину или вкладывать капитал в российскую экономику, как это делается в Китае. Наши соотечественники за рубежом, в т.ч. в Австралии говорили мне, что такое обращение, подкрепленное экономическими гарантиями, вызвало бы положительный отклик.

Политическим элитам надо понять главное: Россия не сможет сохранить статус великой державы, если не будет обеспечена модернизация страны по модели опережающего развития в направлении информационного общества. Другого выхода у нас нет. А потому нам остается лишь действовать по известной формуле: «Будь реалистом - требуй невозможного».

Опубликовано в докладах и выступлениях научной конференции 21-24 июня 2001 г. «Распад СССР: 10 лет спустя». Т. 1. М.: ООО Издательский дом РИГ-ИЗДАТ, 2001.- С. 22-30.